

П. Е. Щеголев

Встречи с Толстым

Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы / Вступит. статья и коммент. Ю. Н. Емельянова.-- М.: Современник, 1987.-- (Б-ка "Любителям российской словесности. Из литературного наследия").

OCR Бычков М. Н.

В 1894 году жил я в Воронеже, учился в местной классической гимназии, был уже в седьмом классе, давал уроки или, как тогда говорили, репетировал. Мой самый приятный "урок" был в семье Русановых¹, где я состоял репетитором 12-летнего мальчика из второго или третьего класса. 1 апреля явился я в обычное время -- часов в 6 -- к Русановым, начал урок и сразу же заметил, что мой Коля находится в необычайно возбужденном состоянии: он все время ерзал, был рассеян, порывался что-то сказать, что-то открыть, но с большим трудом удерживался. Все-таки проговорился, сначала едва-едва, обще: "а вам будет сюрприз, если останетесь пить чай", а затем под большим секретом, взяв слово, что сделаю вид, будто ничего не знаю, сказал: "приехал к нам Лев Николаевич Толстой, сейчас пошел гулять, а к чаю вернется". После такого сообщения трудно было вести "репетицию": и учитель, и ученик сидели, как на иголках, поджидая, когда кончится назначенный для занятий час и нас позовут к чаю. И теперь мне памятно то волнение, которое переживал семнадцатилетний гимназист при мысли, что вот сейчас, через несколько минут он увидит Льва Толстого, самого Льва Толстого²...

В то время обаяние имени Толстого было необычайно. Очарование его художественного гения было беспредельно, а борьба, поднятая им против церкви и царизма, против православия и самодержавия, покрыла его деятельность революционным ореолом. В эпоху политического безвременья разрушительная толстовская критика устоев жизни давала толчок, питала революционные настроения в слоях, далеких от толстовства. Конечно, я сразу и навсегда был покорен художником, и Толстой стал для меня великим человеком. С философским и этическим учением Толстого я начал знакомиться позднее, с класса четвертого, пятого гимназии,-- значит, с 1892 года. Теперь не припоминаю хода моих чтений Толстого. Все эти сочинения Л<ьва> Н<иколаевича> были в то время запретными, нелегальными; ходили в изданиях гектографированных или заграничных. В гимназические годы нелегальная, революционная литература доходила до нас, правда, в ничтожном количестве, но, несомненно, ни одно т<ак> н<азываемое> нелегальное произведение не производило на меня такого впечатления, как сочинения Л<ьва> Н<иколаевича> -- "Исповедь", "В чем моя вера", "Так что же нам делать", "Церковь и государство", "Тулун и Кронштадт"³. Последняя вещь и до сих пор кажется мне первоклассным памфлетом. Интерес к Толстому поддерживала во мне и снабжала книгами семья Гаврилы Андреевича Русанова, восторженного и убежденного почитателя Льва Николаевича, состоявшего с ним в переписке и лично знакомого с ним. В этой семье было 5 человек детей -- все сыновья⁴. Все дети в то время находились под влиянием идей Л<ьва> Н<иколаевича> которые были знакомы из книг и из рассказов родителей. В этом доме становилась известной всякая новая строка Толстого. Я помню то нетерпение, с каким ожидалось получение нового рассказа, нового письма Л<ьва> Н<иколаевича>. Произведения Л<ьва> Н<иколаевича>, запрещенные в России, были известны здесь по большей части в тщательно переписанных и выправленных текстах.

Несомненно, что революционные настроения создаются в значительной мере критикой политического строя; нравоучительные сочинения Толстого били дальше той цели, в которую метил автор. Подрывание основ строя у нас в России было выполнено Толстым с замечательной силой и блеском. Эффект получался неожиданный в сторону подъема революционного настроения.

Наконец нас позвали к чаю. За столом сидела вся семья. Было как-то наряднее и светлее, чем обыкновенно; видно было, что кого-то ждали. Глава семьи не без лукавства поглядывал на меня. Послышался шум в передней, все насторожились. Вошел Толстой.

Поздоровался, меня представили. Волнуясь, комкая слова, еле слышно я назвал свою фамилию. Совершенно неожиданно Лев Николаевич, взглядывая пристально, переспросил: "Как ваша фамилия?" Глубокий, пронизательный взор. Первое впечатление: показалось, о чем бы ни спросил этот человек, на все ответил бы, не умолчал, не скрыл, не солгал.